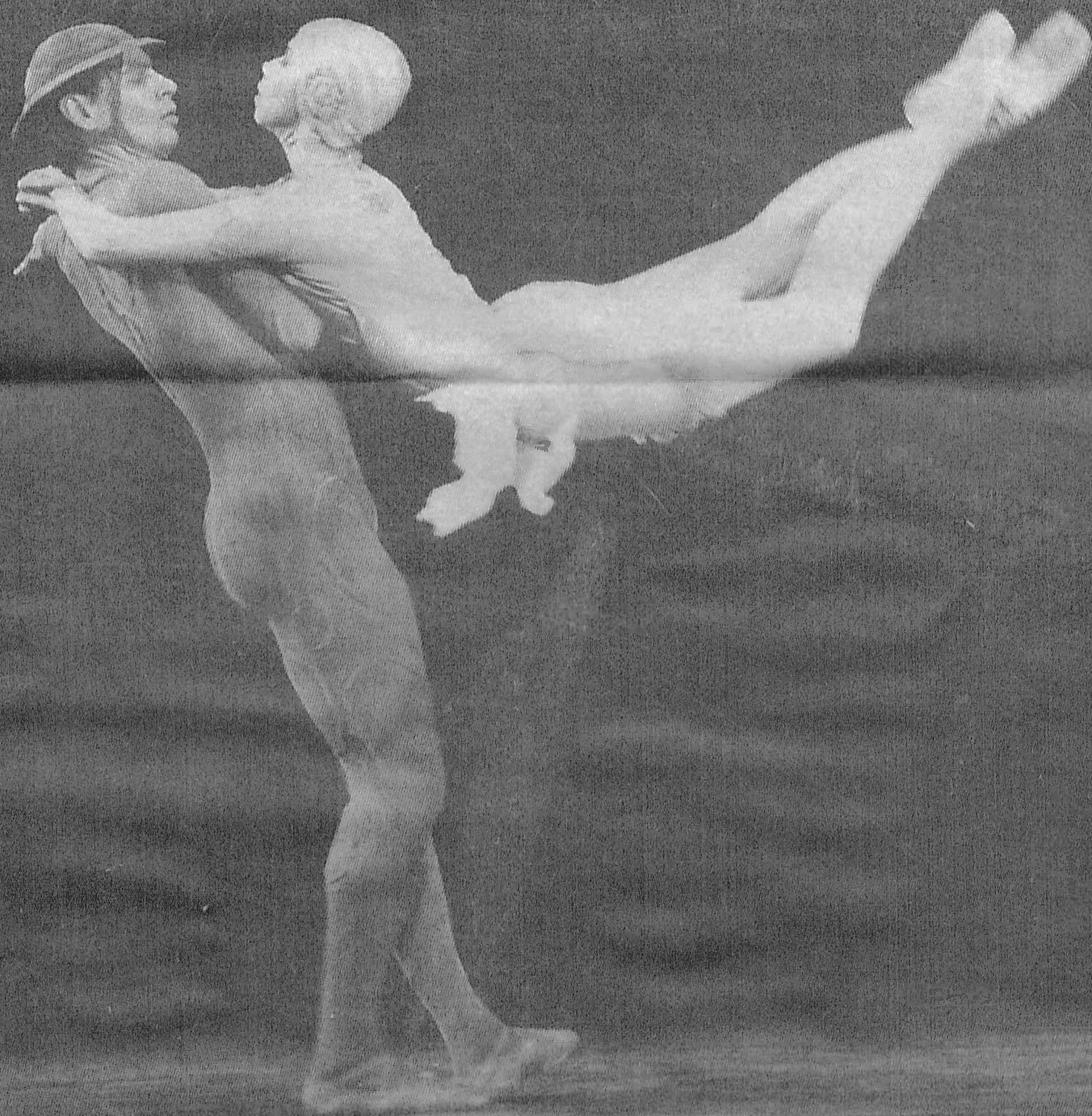

англичане крепки тылами

Балет Gloria хореограф Кеннет Макмиллан посвятил жертвам первой мировой войны Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

ОЛЬГА ГЕРДТ

В Большом театре начались гастроли Королевского балета Великобритании. Впервые после шестнадцатилетнего перерыва балет Covent Garden выступает в Москве почти в полном составе и с пятью разными программами — от классиков английского драмбалета до современной хореографии.

Несмотря на рекламные растяжки и легендарный бренд Covent Garden, который вроде должен работать сам по себе, зал в первый вечер нельзя было назвать переполненным. Одни объясняли это дороговизной билетов — до четырехсот долларов в партер, другие, прежде всего организаторы (Большой театр и «Росинтерфест»), — открывшимся параллельно Международным кинофестивалем, оттянувшим половину «вигов».

Открылись англичане балетом молодого британского хореографа Кристофера Уилдона, начинавшего в Covent Garden, а затем «изменившего» Англии с Америкой. Выбор странный, но, очевидно, не случайный и не напрасный. Четырехчастевая композиция Trust на музыку Джеймса Макмиллана — типичный образчик новой космополитичной неоклассики. Уставшие от национальных акцентов молодые бегут от драмы, декораций и актерской игры в некий стерильный, словно дизайнерами созданный, балет. Уилдон — не исключение. Декорации рисуются светом, движущимися панелями и экраном без изображения — одной лишь дрожащей нитью дневного ос-

вещения (сценограф — Жан-Марк Пюиссан, свет — Наташа Кац). Танцовщики бесцельно отрабатывают довольно распространенные у молодых космополитов лексические и композиционные упражнения: диагонали и шеренги ломаются несинхронными вступлениями; классическая ось расшатывается змеиными телодвижениями; пуанты сминаются и размазываются стопами-утюжками — где по делу, где так, из чистой и бескорыстной любви к контрасту и деконструкции.

Уилдон, уверяют англичане, — самое значительное из того, что произвела английская почва за последнее десятилетие. Trust, с этой почвой никак не контактирующий, с одной стороны, подкупает стремлением противопоставить разминку результату, с другой — разочаровывает надуманностью и штампованными решениями. Третья часть после вполне внятного дуэта, построенного на антагонизме эластичности и жесткости, провисает в повторах, а финал — силуэты млеющих в ритуальном экзерсисе танцовщиков в контровом свете — не использовал только ленивый.

Здесь если дышит почва и судьба, то не родная, драмбалетная английская, а скорее американская и постбалетная. Тем контрастнее выглядели вещи, представлявшие Кеннета Макмиллана и Фредерика Аштона, легендарных «отцов» английского балетного стиля двадцатого века: музыкальность, тонкая нюансировка, скрытый юмор и сдерживаемая энергия, особая мягкость и, конечно же, жесткая драматургическая мотивация каждого не то чтобы движения — вздоха, производимого танцовщиком на сцене.

В аштоновском па-де-де «Таис» Мара Галеацци и Тьяго Соареш старательно соединяли чувственность и бисерную отделку. Может, это и выглядело чуть старомодно, но неподражаемо качественно. Как и фрагмент из не лучшей, но характерной для Макмиллана работы «Зимние грезы» — дуэт из балета по чеховским «Трем сестрам». Бывший советский премьер Ирек Мухамедов взрывался аффектированными прыжками и клокотал эмоциями, но в рамках уже не нашей, а вполне английской героики, умеряемой кротостью и сдержанностью точной партнерши — Тамары Рохо.

Что до финальной «Глории» Макмиллана, сначала напугавшей тематикой (жертвам Первой мировой посвящается), — она могла бы послужить учебником всем молодым, бегущим от драмбалетных страстей в балетные абстракции. В балете, строящемся как строгая месса, и без сюжета царит железная композиционная логика, а лексическое разнообразие вовсе не противоречит лаконизму. Публике, впрочем, угодили другим: филигранной техникой щеголял датчанин Йохан Кобборг в па-де-де из «Сильфиды», а роскошный смуглокожий кубинец Карлос Акоста в па-де-де из «Корсара» всю скреживал ярмарочные, по-русски безумные трюки с хладнокровием денди-англичанина. Судя по всему, англичане настолько крепки тылами, что не боятся собирать солистов «с миру по нитке» (здесь есть и русские, и бразильцы, и испанцы, и кого только нет). Самая экзотическая манера приобретает «чисто английский» исполнительский акцент. Не самое плохое противоядие все размывающему космополитизму.